

К ВОПРОСУ О РАННИХ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОТЕКИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ¹

Библиотека Кирилло-Белозерского монастыря — одна из самых известных и крупных сохранившихся древнерусских монастырских библиотек. Именно это книжное собрание наряду с библиотекой Троице-Сергиевой лавры представляет на сегодняшний день целостное собрание, охватывающее весь XV в.

При изучении книжного собрания особо актуальной проблемой представляется реконструкция истории первых лет существования библиотеки при преподобном Кирилле. Собственно, проблема может быть разделена на два вопроса — о времени основания самой монастырской обители и времени начала активного формирования библиотеки.

В исторической литературе, посвященной Кирилло-Белозерскому монастырю, принято считать датой основания обители 1397 г., и, следовательно, основание библиотеки можно датировать этим же годом. Эти два события неразрывно связаны между собой, поскольку несколько книг из Симонова монастыря мог принести сам Кирилл Белозерский, став основателем и монастырской библиотеки. Впрочем, вопрос о дате возникновения обители сейчас может быть пересмотрен на основании новых данных. Дело в том, что наиболее популярная и даже, можно сказать, каноническая дата — 1397 г. — опирается на Житие Кирилла, составленное Пахомием Логофетом много позже смерти самого преподобного, около 1462 г. Фактологическая часть Жития базируется на припоминаниях учеников основателя Белозерской обители, которые, впрочем, сами не были свидетелями основания монастыря. В качестве информантов Пахомий упоминает Кассиана и Мартиниана, датировка смерти обоих (Кассиан был еще жив в начале 70-х годов XV в.², Мартиниан скончался в 1483 г.) не оставляет сомнения в том, что они не были в числе первых по времени учеников преподобного и застали, скорее всего, заключительный этап жизни Кирилла. В Житии, составленном Пахомием Логофетом, указываются кратные 10 основные вехи жизни святого Кирилла — смерть в 90 лет (произошло это в 1427 г.) и основание им обители в 60 лет. Очевидно, что такая точность, кратная десятилетиям, маловероятна в реальной жизни и может отражать лишь примерные ориентировочные даты. Данный аргумент, а также датировка самого раннего антиминса Ферапонтова монастыря, основанного почти одновременно с Кирилловым, позволили М. С. Серебряковой предложить альтернативную датировку — об основании монастыря не ранее 1407 г.³ Более поздняя дата начала существования кирилловской обители подтверждается и логикой возникновения монастырей во владениях князя Андрея Дмитриевича Можайского. Активность Андрея Дмитриевича по основанию монастырей на своих землях (куда входило и Белоозеро) как раз приходится на конец первого — начало второго десятилетия XV в. Помимо Кириллова и Рождества Богородицы Ферапонтова монастырей основываются Лужецкий Можайский монастырь после 1409 и до 1412–1413 г.⁴ и Колоцкий монастырь, возникший, вероятно, около 1413 г.⁵ Данные инициативы связаны с тем, что Андрей Дмитриевич становится в самом начале XV в. действующим удельным князем⁶. Отметим,

¹ Статья по докладу на V Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси».

² Кистерев С. Н. Круг знакомств Ефросина Белозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 69.

³ Серебрякова М. С. О начале Кириллова и Ферапонтова монастырей // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 16–42; *Ее же*. Житие преподобных Кирилла и Ферапонта как исторический источник сведений об основании Белоозерских монастырей // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 180–189.

⁴ Серебрякова М. С. О начале Кириллова и Ферапонтова монастырей. С. 19.

⁵ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1892. Т. 2. С. 187.

⁶ Ивина Л. И. Жалованные грамоты первого удельного князя Московского дома первой трети XV в. и Кириллов монастырь на Белоозере: княжеская власть и отношения ее с монастырем // Российское государство в XIV–XVII вв. Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 196.

что именно 1407 г. датируется самая ранняя рукопись, дошедшая до нас из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, — канонник, принадлежащий по преданию Кириллу. Правда, сам канонник помимо точной датировки не содержит обычной для переписанных позже книг информации о создании в Кирилло-Белозерском монастыре. Возможно, это было вызвано тем, что Кирилл заказал для себя этот канонник перед самым уходом из Старого Симонова монастыря на Белоозеро.

Омоложение хронологии основания монастыря вступает, на первый взгляд, в противоречие с датировкой грамоты Кирилла великому князю Василию I. Обычно грамота датируется временем между 1395 или 1399 и 1402 г.⁷, поскольку в ней содержится призыв помириться с суздальскими князьями, вступившими в конфликт с Василием I, что стало причиной кровопролития, о котором пишет Кирилл. Также в послании отмечено о суздальских князьях, что они «блуждали в татарских странах». Традиционно под суздальскими князьями принято считать Василия Дмитриевича Кирдяпу и его брата Семена Дмитриевича, которые были живы до конца 1401 г., чем и определяется верхняя дата послания⁸. Что касается нижней даты послания, то она основывается на датировке взятия Нижнего Новгорода князем Семеном Дмитриевичем Суздальским при помощи татар. Датировка этого события в последнее время в историографии стала причиной полемики между В. А. Кучкиным и А. А. Горским⁹. Дело в том, что в летописях новгородско-софийской группы (Софийской 1 (далее — С1), Новгородской 4 и Новгородской Карамзинской летописях) это событие отнесено к 1395 г. В Троицкой же летописи, согласно Н. М. Карамзину, то же сообщение читалось под 1399 г. В пользу и той и другой датировки высказано достаточно много аргументов, но однозначно на сегодняшний день принять одну из них нельзя. С. А. Фетищев привел еще один аргумент в пользу правильности датировки 1399 г., основываясь на Житии Саввы Сторожевского¹⁰. Однако и этот аргумент нельзя считать безупречным, учитывая достаточно позднюю датировку Жития¹¹. Таким образом, на сегодняшний день наиболее корректно было бы исходить из более широкой датировки послания Кирилла великому князю — 1395—1402 г.

Правда, все эти аргументы могут не иметь значения для установления времени основания Кирилло-Белозерского монастыря, если принять недавно выдвинутую версию о более поздней датировке послания Кирилла. В работе М. С. Серебряковой обосновано предположение о возможности написания Кириллом послания в 1418 г. в связи с приездом нижегородских князей к Василию I, а затем бегством в 1418 г. Даниила Борисовича и Ивана Борисовича из Москвы¹². На наш взгляд, такая трактовка приводит к неразрешимым противоречиям. Действительно, потомки Бориса Константиновича до 1418 г. активно конфликтовали с великим князем Московским. При этом в ходе рейда войск Даниила Борисовича Нижегородского при поддержке татар был даже разграблен Владимир. Однако отметим, что Кирилл в своем послании пишет о суздальских князьях, которые были у Василия «в принуждении» и поэтому «возмутились». Если исходить из летописной хронологии, послание могло быть написано только после 1418 г., т. е. после бегства Даниила и Ивана Борисовичей из Москвы, тем более что Кирилл упоминает об их блуждании в «татарских странах». Но после этого летописи не сообщают о каких-либо столкновениях и

⁷ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. С. 271—273.

⁸ Ивина Л. И. Жалованные грамоты первого удельного князя Московского дома первой трети XV в. и Кириллов монастырь на Белоозере: княжеская власть и отношения ее с монастырем. С. 195.

⁹ Горский А. А. Датировка похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 82—93; *Его же*. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV — середине XV в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 4. С. 149—151; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 299—304; *Его же*. О времени похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 106—132.

¹⁰ Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского 1389—1395 гг. М., 2003. С. 113—114.

¹¹ Кучкин В. А. О времени похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю». С. 131.

¹² Серебрякова М. С. К датировке посланий Кирилла Белозерского // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2005. Вып. 6. С. 6—9.

«кровопролитии» между князьями суздальско-нижегородской ветви и великим князем. Кроме того, как справедливо отметил С. А. Фетищев, «сродниками», т. е. родственниками Московского князя, скорее всего, могли быть названы только сыновья Дмитрия Константиновича — Василий и Семен, являющиеся дядьями Василия I¹³. К этому надо добавить, что именование «суздальские», согласно русским летописям, применялось только к потомкам Дмитрия Константиновича Суздальского. Относительно потомков его младшего брата Бориса — Ивана и Даниила — можно отметить, что они в летописях стабильно именуется «нижегородскими» или просто «новгородскими». Например, в С1 под 6918 г. князь Даниил Борисович назван «нижегородским», в то время как Василий Дмитриевич под 6912 г. и Семен Дмитриевич под 6913 г. названы «суздальскими»¹⁴. Исходя из этого мы останавливаемся на предложенной выше датировке послания временем между 1395—1402 г. Но и тут возникает неразрешимое, на первый взгляд, противоречие, если принять дату основания Кириллом монастыря около 1407 г. Для решения этого вопроса выделим те странности послания, на которые не обращалось внимания:

1. Кирилло-Белозерский монастырь был расположен не во владениях великого князя, а на землях его брата Андрея Дмитриевича, которые были оставлены ему по завещанию их отца Дмитрия Донского. Но в грамоте Кирилла великому князю Василию Андрей вообще не упомянут, в отличие от грамоты, посланной тем же белозерским игуменом князю Юрию Дмитриевичу.

2. Из текста послания Кирилла ясно, что великий князь неоднократно жаловал монастырь своими милостынями. Между тем монастырский архив не сохранил никаких письменных свидетельств о грамотах великого князя Московского, относящихся к первым десятилетиям существования монастыря. В то время как грамоты, выданные от имени князя Андрея Дмитриевича, в монастыре тщательно сохранялись, и их дошло более десятка за период игуменства самого Кирилла¹⁵.

3. Довольно трудно объяснить желание Кирилла, являющегося главой только что основанного небольшого провинциального монастыря, попытаться вмешаться в дела великого князя Московского. Житие рисует очень скромное начало монастырской деятельности Кирилла. Церкви поначалу не было, т. е. фактически первые годы своего существования это был не монастырь, а скит с небольшим количеством монахов. Это означает, что статус ни самого монастыря, ни самого Кирилла в первые годы после основания монастырской обители в конце XIV — начале XV в. (если принять за дату основания монастыря 1397 г.) явно не позволял обращаться к великому князю Московскому с подобными поучениями. Между тем сам Кирилл прекрасно понимал нормы феодального этикета, отмечая, например, в другой своей грамоте, посланной князю Юрию Дмитриевичу (брату Василия I), что нельзя не «ударить челом» его брату князю Андрею Дмитриевичу в случае его приезда в монастырь, поскольку князь Андрей владеет землей, на которой расположена обитель¹⁶.

Данные сомнения могут быть разрешены только тем, что Кирилл являлся на момент написания послания главой не Кирилло-Белозерского, а еще Симонова монастыря. Тогда все становится на свои места. Глава одного из крупнейших московских монастырей, расположенного на великокняжеской земле¹⁷, обладал авторитетом и значимостью для написания подобного документа. Это снимает противоречие и открывает путь для датировки основания обители более поздним, чем 1397 г., временем. Кстати, такая трактовка может пролить свет и на достаточно странное поведение Кирилла, оставившего пост настоятеля Симоновского монастыря. В Житии, составленном Пахомием, уход Кирилла объясняется желанием преподобного безмолвствовать в своей келье и не отвлекаться на

¹³ Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского 1389—1395 гг. С. 115.

¹⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 533, 524.

¹⁵ АСЭИ. Т. 2. С. 23—31.

¹⁶ Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993. С. 178.

¹⁷ Кучкин В. А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 113—127.

князей и вельмож, досаждавших ему. Формула достаточно этикетная для жития святого, и поэтому мы можем предположить: не воля ли великого князя, недовольного вмешательством Симоновского игумена в политические дела, вынудила Кирилла покинуть свой пост?

Однако когда началась активная книжная деятельность в обители? Как нам представляется, это явно не самое начало века, не сразу после основания в 1407 г. Косвенные данные говорят о том, что это произошло не ранее середины второго десятилетия XV в. Именно в этот период мы наблюдаем очень активную переписку книг вплоть до смерти Кирилла Белозерского, когда за десятилетие, начиная с 1417 г., почти каждый год создается книга,

В подтверждение этого тезиса можно привести список датированных рукописей, созданных в период игуменства Кирилла Белозерского:

- ГРМ. Др. гр. 15. Канонник. 8^о. 1407 г.
- ГРМ. Бк 3268. Евангелие Апракос. 1^о. 1417 г.
- РГБ. Музейное собр. № 8460. Поучения Феодора Студита. 1^о. 1417 г.
- РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 34/159. Лествица Иоанна Лествичника. 4^о. 1418 г.
- РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № XI. Лествица Иоанна Лествичника. 4^о. 1422 г.
- ГРМ. Др. гр. 14. Канонник. 8^о. 1422 г.
- РГБ. Ф. 304/1. Собр. ТСА. № 16. Часослов. 4^о. 1423 г.
- ГРМ. Др. гр. 17. Псалтырь. 1^о. 1424 г.
- ГИМ. Собр. Уварова. № 369-4^о. Диоптра Филиппа Пустынника. 1426 г.

К этому надо добавить, что за период игуменства Кирилла было создано еще более двух десятков недатированных рукописей, часть из которых описана и атрибутирована в работах Н. К. Никольского¹⁸, Н. Н. Розова и Г. М. Прохорова¹⁹, а также А. А. Турилова²⁰ и других исследователей.

Скорее всего, такая активность связана с возникновением церкви и превращением обители из скита в полноценный монастырь. Судя по Житию, это произошло не сразу, а спустя некоторое время после того, как вокруг Кирилла собралось достаточное количество учеников для начала книгописной деятельности. Именно в середине второго десятилетия XV в., вероятно, в Кирилло-Белозерском монастыре работает целый ряд писцов, занимающихся постоянным переписыванием книг как для своей обители, так и, возможно, на заказ. Однако кризис 1427 г. резко оборвал этот процесс. Сначала смерть первого игумена, а потом и моровое поветрие нанесли огромный удар по монастырю. Большая часть монахов скончалась, включая и второго игумена, некоторые покинули обитель. Среди оставивших монастырь можно назвать и Мартиниана Белозерского, ставшего основателем Спасского Вожеозерского монастыря, а затем игуменом соседнего Ферапонтова монастыря²¹, монаха Серапиона, участвовавшего, по нашим наблюдениям, в создании ряда кирилловских книг, в том числе и знаменитого сборника из Кирилло-Белозерского собрания РНБ № XII. В начале 1430-х годов Серапион работает уже в Новгороде, а затем переезжает в Троице-Сергиев монастырь. Также весьма вероятно, что после смерти Кирилла покинул обитель и инок Савватий — будущий основатель Соловецкого монастыря. Относительно Мартиниана и Серапиона мы можем утверждать, что они принимали активное участие в переписке книг для Кирилло-Белозерского монастыря. Все эти неблагоприятные события привели к тому, что при третьем игумене Христофоре книжная деятельность в монастыре на время замирает, чтобы возродиться

¹⁸ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. // ОЛДП. СПб., 1897. Т. СХIII. С. 241–322.

¹⁹ Прохоров Г. М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 50–70; Прохоров Г. М., Розов Н. Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // Там же. С. 353–374.

²⁰ Турилов А. А. К истории библиотеки и скриптория Кирилло-Белозерского монастыря в первой трети XV в. (Проблема Христофора) // Древнерусское искусство. Искусство рукописной книги. Византия. Древняя Русь. СПб., 2004. С. 373–389.

²¹ Шевченко Е. Э. Книжник XV в. Мартиниан (Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиев, Вожеозерский и Ферапонтов монастыри) // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 284.

только в начале 40-х годов XV в. Сам Христофор в бытность учеником преподобного Кирилла также участвовал в создании книг для обители. Но и он, вероятно, обремененный насущными заботами о сохранении монастыря, на время отошел от книгописной деятельности. Об этом свидетельствует отсутствие точно датированных рукописей за период с конца 20-х по начало 40-х годов XV в. Причем связующим звеном, продолжателем монастырской традиции по переписке книг здесь оказывается монастырский дьяк Олешка (учитель письма уже упоминавшегося Мартиниана), переписавший в 1426 г. последнюю датированную прижизненную первому игумену рукопись и в 1441 г. возобновивший свою деятельность, судя по рукописи РНБ. Софийское собр. № 1248 (Кирилл Иерусалимский и сборник патеристический. 4⁰).

Таким образом, книгописная деятельность в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XV в. целиком зависела от возможностей самого монастыря, и активная фаза по формированию библиотеки при преподобном Кирилле сменилась определенным застоем в неблагоприятных обстоятельствах.